

Б. А. Калоев

ОСЕТИНО-БАЛКАРСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Проблема средневековых алано-тюркских (половецких) связей впервые была освещена в трудах В. Миллера и М. Ковалевского, совершивших в 80-х годах путешествие по Балкарии¹. Собранные ими в большом количестве топонимические материалы ставят перед исследователями вопрос о роли аланского компонента в формировании балкарского народа. В советское время исследование этой проблемы было продолжено В. И. Абаевым.

Еще в 30-х годах специальные экспедиции в Балкарию и Карачай обследовали почти всю западную часть исторической территории Алании, от Черёка до верховьев Кубани, и собрали огромный материал, показывающий наличие близких черт в быту балкарцев и карачаевцев, с одной стороны, и осетин — с другой. В это время В. И. Абаевым выявлено 200 осетинских слов, воспринятых предками балкарцев и карачаевцев в средневековый период; среди этих слов есть и такие, которые «в самом осетинском языке уже мало или вовсе не употребляются»². «Этот материал, — пишет В. И. Абаев, — вновь подтвердил, что осетинские элементы в балкаро-карачаевском ни в коем случае не могут объясняться распространением из нынешней Осетии. В этом случае количество таких элементов резко убывало бы с востока на запад, и в таком отдаленном от Осетии районе, как Баксанский, не могло быть сколько-нибудь значительным. В действительности баксанский насыщен «осетизмами» не меньше других говоров и, что особенно показательно, в нем встречаются такие осетинские элементы, которых нет в более близких к Осетии говорах — чегемском и верхнебалкарском. Вывод ясен — осетинские элементы в балкаро-карачаевском — не результат новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до верховьев Кубани»³. Наряду с данными языка и топонимики весьма важным источником для выявления аланского субстрата в этногенезе балкарцев и карачаевцев является этнографический материал, который раньше почти не привлекался. Основой для данной статьи послужили сведения, собранные автором главным образом в 1966 году во время экспедиции в Балкарию и Карачай, а также некоторые архивные источники (в основном личный полевой дневник М. М. Ковалевского).

Полевой этнографический материал показал родство балкарцев и карачаевцев с осетинами в хозяйстве, культуре, в обычаях, нравах и т. д. Эту близость во многом можно объяснить как этническим родством, так

¹ В. Миллер, М. Ковалевский, В горских обществах Кабарды, «Вестник Европы», кн. 4, 1884; В. Миллер, О поездке в горские общества Кабарды и Осетии летом 1883 г., «Изв. Кавказского отделения Русского географического общества», т. VIII, 1883; В. Миллер, Терская область. Археологические экскурсии, «Материалы по археологии Кавказа», вып. I, М., 1888.

² См.: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М., 1949, стр. 283.

³ Там же, стр. 275.

и общими традициями этих народов, сложившимися в период средневековья.

Несомненный интерес для нас представляют фамильные предания, записанные еще Миллером и Ковалевским. Этот вид устного народного творчества, каким бы тенденциозным он ни был, в значительной степени отражает реальные исторические события и вполне может помочь решению рассматриваемой проблемы.

На основании народных преданий устанавливается, в частности, где первоначально поселились половцы, каким было Черекское ущелье, более доступное, чем, например, Чегемское с его чрезвычайно узким скалистым проходом. «Все предания,—писали Миллер и Ковалевский,—указывают на то, что эта местность, некогда заселенная осетинами-дигорцами, раньше других приняла татарское поселение, и что из нее уже пошло дальнейшее движение в ближайшие долины на северо-запад»⁴.

В преданиях упоминаются названия некоторых осетинских родов: Саута (осет. Черные), Мысаковы (осет. Масуг, башня), сталкивавшихся с пришлыми тюркоязычными племенами. Когда в густонаселенное Черекское ущелье вторглась огромная масса половцев, значительная часть коренных жителей — алан ушла в районы современной Осетии, в частности в Дигорское ущелье. По нашим данным, например, многие носители дигорских фамилий⁵ считают своими предками выходцев из Балкарии.

Исследователи относят время заселения половцами территорий современной Балкарии к разным периодам: В. Миллер, например, к концу XIV в.⁶, а Л. И. Лавров⁷ — к первой половине XIII в. Нам думается, что половцы, как и аланы, окончательно покинули равнину Центрального Кавказа и укрылись в горах после разгрома их Тимуром. Но первые крупные волны поселенцев могли появиться в горах, в частности в верховьях Черема, и в XIII в., т. е. в период монгольского нашествия.

Судя по народным преданиям, половцы двигались с востока из Черема на северо-запад, постепенно проникая в ущелья Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Они повсюду сталкивались с местным аланским населением, большей частью подчиняя его своему влиянию. Следует отметить, однако, что аланы, попавшие в тюркоязычную среду, ассимилировались медленно и еще долго сохраняли свое этническое своеобразие. Об этом свидетельствует большое количество осетинских топонимических названий, сохранившихся до настоящего времени. Аланы упоминаются также в некоторых преданиях, относящихся к более позднему периоду. Одно такое предание, в котором рассказывается о заселении Чегемского ущелья, было записано М. Ковалевским, но опубликовано им только частично. Мы берем полный текст этого предания из его полевого дневника. «Предание, дошедшее до нас,—пишет он,—не восходит далее появления в местности рода Балкаруковых, пришедших с севера, из абазехов (адыгское племя. — Б. К.). Их предок происходит из семейства Болотуковых, до сих пор существующего в Абазехии. Из этого семейства некто Анфако, не ужившись с братьями, решил выселиться: прибыл прежде всего в Баксанское ущелье у верховьев реки Баксана, где в то время жили сванеты. В стычках с ними он был убит, оставив после себя двух сыновей Бей-Мурза и Дан-Мурза. Приблизительно это будет десять поколений назад (более 350 л.). Дети эти из

⁴ В. Миллер, М. Ковалевский, Указ. раб., стр. 353.

⁵ Б. А. Калоев, Осетины (историко-этнографическое исследование), М., 1971, стр. 34—41.

⁶ В. Миллер, Терская область. Археологические экскурсии, стр. 77.

⁷ Л. И. Лавров, Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., «Кавказский этнографический сборник», т. IV, М., 1969, стр. 71.

Баксана переправились в Чегемское ущелье. Они направились в аул, который уже тогда назывался Чегем, в котором жил какой-то народец с князем Берды (Берды-бей — князь Берды). Рассказчик предполагает, что народец этот были осетины (т. е., по-видимому, аланы. — Б. К.). Возле аула имеется камень, доселе называемый камнем Берды-бей. Когда братья прибыли в Чегем, они были приняты радушно Берды-беем. Как умные люди они понравились ему. По смерти Берды-бея остался малолетний сын Рачкау. Благодаря малолетству Рачкава, оба брата успели снискать расположение аула и захватили власть в свои руки. От народца, здесь жившего, остался ли кто до нашего времени — неизвестно. Народец, здесь живший, распался на два поселка; на левой стороне Чегема жил Берды-бей, у подножья скалы Бети-кочер, сохранивших следы башни, в которой он жил; башни, сложенной с помощью цемента. На правой стороне Чегема был другой поселок, который до сих пор называется Берды-бей. Оба поселка принадлежали Берды-бею»⁸.

Как видно из приведенного текста, следы прежних обитателей — алан еще хорошо сохраняются примерно в XVI в. Дольше всего аланы сохранили свою этническую самостоятельность в Черекском ущелье, близко примыкающем к Дигории. Здесь сохранилось множество осетинских топонимических названий и памятников материальной культуры алан. В 1966 г. только в сел. Каспарты («солнечная сторона») на левом берегу Черка, зафиксированы следующие топонимы: Шаудан (осет. Шаудон) — родник, Дорбун (осет. Дорбун) — пещера, Байрам (осет. Майрам) — Мария и т. д. До сих пор здесь помнят названия уже исчезнувших сел: Курнойт (осет. Курой уат — место, где находится мельница) и др. Эти селения располагались по правому берегу Черка на верхней окраине теперешнего селения Верхняя Балкария. В том же районе имеется «городок мертвых» с большим количеством средневековых аланских склепов⁹.

О длительном сосуществовании в Верхней Балкарии (Черекское ущелье) тюркоязычного и аланского населения и их общении с жителями Дигорского ущелья говорит предание о происхождении родоначальников балкарских таубиев — Баснат и дигорских феодальных семей — Бадила. Баснат и Бадила считаются родными братьями. Покинув древний город Маджар на Куме, они сначала поселились в Дигорском ущелье, а затем Баснат поссорился с младшим братом Бадила и ушел в верховья Черка¹⁰.

Можно отметить большое количество браков между представителями осетин, балкарцев и карачаевцев. Многие осетинские семьи переселялись в Балкарию, так же как и балкарские в Осетию. Приведу лишь несколько примеров. По словам 80-летнего Юсупа Чочаева (с. Безенги), предок его рода — Чочай был выходцем из Осетии; он пришел в Балкарию вместе со своими братьями Чера и Миза, причем Чочай обосновался в Безенги, Чера в Верхней Балкарии, а Миза поселился в Верхнем Чегеме. Братья стали родоначальниками современных балкарских семей: Чочаевых, Чераевых и Мизиевых. До недавнего времени не допускались браки между выходцами из этих родственных семей.

Родоначальник фамилии Созаевых, составляющей более 100 семейств, которые живут в разных селах Балкарии, также считается выходцем из Осетии. 70-летний Кубати Созаев (с. Белая Речка) рассказал, что его предок пришел из Дигории со своим братом и обосновался в бал-

⁸ Архив АН СССР, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 329, л. 35.

⁹ См.: Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 359; Л. Семенов, Археологические разыскания в Северной Осетии, «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XII, 1947.

¹⁰ В. Миллер, М. Ковалевский, Указ. раб., стр. 535; Ф. Красницкий, Кое-что об Осетинском округе, газ. «Кавказ», 1865, № 30.

карском селе Хуламе. Балкарские и осетинские Созаевы до сих пор сохраняют родственные связи. Они посещают друг друга, особенно по случаю свадеб или похорон. Общение такого рода весьма характерно и для многих других осетино-балкарских родственных семей, носящих одну фамилию. Наконец, нередки случаи, когда в одном селении встречаются фамилии, ведущие свое происхождение из Осетии. В с. Гунделен, например, это фамилии Тюбеевых, Жантуевых, Балаевых, Хутуевых. Характерно и то, что у балкарцев, карачаевцев и осетин имеется много одинаковых фамилий (Абаевы, Базиевы, Балаевы, Газаевы, Касаевы, Тменовы и др.), появившихся, по-видимому, в течение нескольких столетий. Возможно, что некоторые из них существовали еще в период заселения половцами этих горных районов. В тот период и позднее под ударами миграционных волн разбивались компактно жившие роды (фамилии). Части этих родов затем, очевидно, вошли в состав разных народов. Иначе, например, трудно объяснить существование фамилии Касаевых на двух разных концах огромной территории — в Карачаевском селении Хурзук в верховьях Кубани и в Центральной Осетии в с. Нижний Пурнят и в ряде мест Северо-Осетинской АССР. В Хурзуке Касаевы до недавнего времени составляли около 100 семейств, а в Осетии — несколько десятков дворов.

Для выявления осетино-балкаро-карачаевских связей интересен анализ этнонимов, которыми эти народы называют друг друга. Балкария издавна известна осетинам под именем «Ассы», отсюда «ассиаг», т. е. человек из страны Ассы. Это старое аланское самоназвание жителей Западной Алании сохранилось и в карачаево-балкарском языке, но в настоящее время оно означает — иноверец. «Ассыдан туугъан» — рожденный от безбожника, т. е. от человека другой веры, какими были аланы для турок. В языке балкарцев и карачаевцев есть слово «алан»: в значении «товарищ, друг». Такого толкования нет у других тюркских народов. Можно полагать, что, несмотря на сохранение ряда этнических особенностей, аланы, оказавшиеся среди пришлых тюркоязычных племен, сотрудничали с ними в мирное время и совместно отражали набеги врага.

Жителей Карачая, возникшего, по-видимому, не ранее XVII в. в результате переселения балкарцев в верховья Кубани¹¹, осетины называют хъарасе, хъарасиаг — из страны Карачая. Балкарцы именовали осетин «дигор». Карачаевцы именуют осетин-иранцев этнонимом «тегей»¹², а дигорцев — «дюгер».

Таким образом, можно констатировать сохранение в языке изучаемых народов аланских этнонимов «ассы» и «дигори» («дигорцы»), отмеченные еще в «Армянской географии» VII в.¹³, где под именем «дигор» выступают, по-видимому, обитатели современного Дигорского ущелья, «ассы» же — это жители остальных районов Западной Алании. Это дает основание предположить, что существовали два самостоятельных аланских племени.

Близость рассматриваемых народов прослеживается и в области материальной культуры. Несомненно, что половцы, попавшие в непривычные для них горные условия, унаследовали аланские сельскохозяйственные орудия, в том числе и пахотные, а также некоторые навыки и приемы хозяйства. Это положение подтверждается сравнительным изучением традиционных сельскохозяйственных орудий у осетин, балкарцев и карачаевцев. Балкаро-карачаевское пахотное орудие (сабан агъач) почти абсолютно идентично горному осетинскому пахотному орудью (дзыбыр)

¹¹ Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 80.

¹² Тегей — осетины-тагаурцы (В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 280).

¹³ К. Патканов, Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, «Журнал Министерства народного просвещения», 1883, март.

и особенно его дигорскому варианту. Однако мы не находим аналогии ему у других соседних народов — кабардинцев, ингушей, чеченцев. Две главные части этого орудия — ручка и дугообразная стойка — имеют осетинские названия; первая называется «гулос», а вторая «гина»¹⁴.

Общими у осетин, балкарцев и карачаевцев были своеобразная самодельная коса и деревянные грабли с вертящимися вокруг оси зубьями. Ни одно из этих орудий не применялось в Кабарде.

Повсеместное распространение имели в Осетии, Карачае, Балкарии земляные ямы, служившие для хранения зерна. Особенно много таких ям в средневековых поселениях¹⁵, в оборонительных и культовых сооружениях алан, например, в аланских соборах X—XI вв. в верховьях Кубани (Хумаринский, Сентийский). В с. Чегем нам рассказывали, что здесь до недавнего времени зерно хранили в глубоких земляных ямах. Это селение не составляло исключения. Той же традиции придерживались во многих других населенных пунктах Балкарии, Карачая и горной Осетии. Наконец, многие балкаро-карачаевские названия процессов уборки урожая и заготовки сена, а также связанные с ними предметы и орудия труда сходны с осетинскими. Они вошли в язык указанных народов.

Вот некоторые из этих терминов: гэтэ — полная горсть колосьев при жатве (осет. дастаг), дис — сноп (осет. идас); хастан — место, куда свозят копны сена (осет. хуасдона), куф — большая корзина для перевозки навоза в поле (осет. куф); балас — плетенка из ветвей молодых березок, на которой волокут сено с гор (осет. билас), толан — скатывание с горы массы сена (осет. толун); бардух, уадых — скрученный прут (осет. уардах); гэркэ, гэрка — деревянное кольцо для натягивания веревки (осет. гарка) и т. д.¹⁶

Большой интерес в скотоводческой практике балкарцев представляет широко применяемый до сих пор на колхозных животноводческих фермах осетинский парный счет, очень удобный, по словам местных жителей. «У балкарцев, — говорит 115-летний Кукуза Токуев (с. Верхняя Балкария), — не было другого счета, кроме осетинского». Как отмечал В. И. Абаев, этот счет у балкарцев ведется «по старой иранской десятичной системе, в то время как у самих осетин десятичная система замещена двадцатичной по примеру соседних яфетических языков»¹⁷.

Большое сходство у осетин, балкарцев и карачаевцев имеет и способ приготовления молочных продуктов, в частности сыра и масла.

Для приготовления масла применялась маслбойка одного типа, представляющая собой цельный деревянный ствол¹⁸. В качестве маслбойки и у балкарцев и у карачаевцев использовался еще и бурдюк, который носит дигорское название¹⁹ и воспринят, по-видимому, также у алан. В отличие от изучаемых нами народов, кабардинцам известны только копченый сыр и топленое масло. У них масло изготовлялось без применения маслбойки.

Сходство культуры осетин, балкарцев и карачаевцев не менее ярко проявляется в архитектуре этих народов. Встречающиеся на территории Балкарии и в Карачае сторожевые, оборонительные, жилые башни, а также целые замки типа осетинского галуана относятся по времени постройки к аланской эпохе и к периоду позднего средневековья. В настоящее время уцелели только некоторые из этих памятников.

Все башни, как правило, одного типа. Исключение составляет хорошо сохранившаяся трехэтажная сванская башня в Верхнем Чегеме, построен-

¹⁴ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 279.

¹⁵ Т. М. Минаева, Очерки по археологии Ставрополя, Ставрополь, 1965, стр. 64.

¹⁶ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 278, 279.

¹⁷ Там же, стр. 282.

¹⁸ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 101—102.

¹⁹ По-дигорски — габат, у карачаевцев и балкарцев — гэбэт, тыбыт.

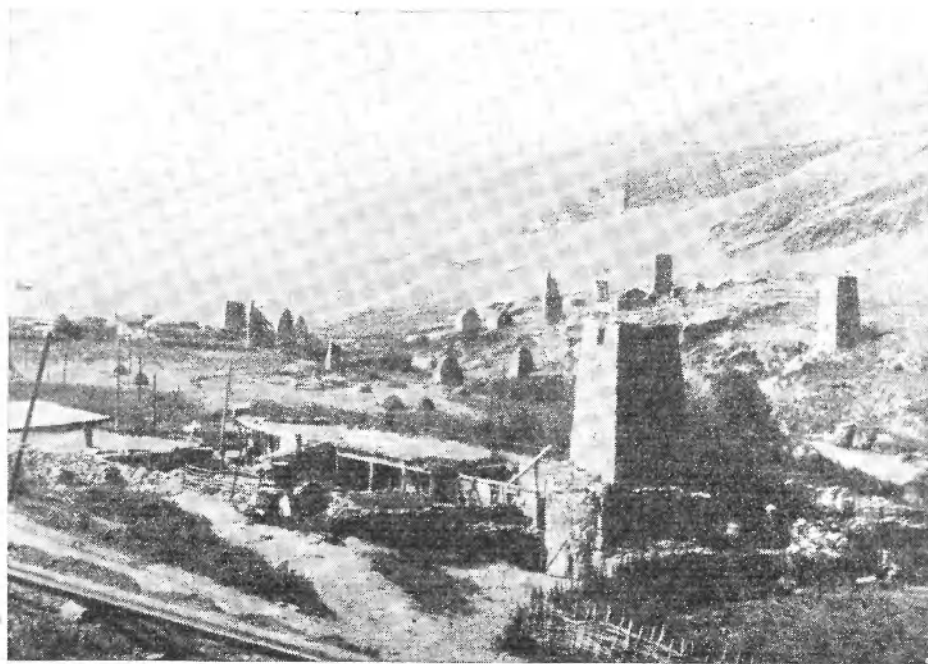


Рис. 1. Сел. Даллакау в Куртатинском ущелье в Северной Осетии

ная сванскими мастерами не позднее XVII в. Подобной башни на Северном Кавказе больше нет. Балкарские башни очень сходны с осетинскими, что не раз подчеркивалось исследователями. «Следует отметить,— писал В. Миллер,— башни, встречающиеся в этих местах не менее часто, чем в Осетии, в большинстве совершенно сходные с осетинскими по наружному виду. Некоторые из этих массивных сооружений, расположенные на удобных в стратегическом отношении местах, представляют целые крепости, как например, близ аула Хулам. Здесь на высоком, почти коническом холме виднеются величественные развалины замка, длиною около 6, шириной более двух сажень с остатками башен. Кто построил эту некогда неприступную крепость, сложенную весьма правильно из тесаного местного камня, неизвестно, об этом не сохранилось даже предания. На противоположной стороне долины виднеются развалины башни, которая должна была одновременно с первой защищать ущелье, так что неприятель подвергался перекрестным выстрелам. Обе башни по типической четырехугольной форме, суживающейся кверху, совершенно совпадают с осетинскими»²⁰. По мнению автора, башни эти, как и другие оборонительные сооружения, были воздвигнуты до появления в горах тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев. Сохранение целого комплекса крепостных сооружений аланского периода подтверждают и другие исследователи, в частности археологи Г. И. Ионе²¹ и И. М. Мизиев²², занимавшиеся специально изучением памятников средневековья Балкарии и Карачая. Крепостные сооружения позднего периода также имеют большое сходство с осетинскими; в них продолжают традиции средневековой архитектуры. Поскольку наиболее искусными в строительстве башен и замков подобного рода были осетинские мастера, то, как правильно от-

²⁰ В. Миллер, Терская область. Археологические экскурсии, стр. 73.

²¹ Г. И. Ионе, Верхние Чегемские памятники VI—XIV вв., «Уч. записки Кабардино-Балкарского НИИ» (далее — Уч. зап. КБНИИ), т. XIX, 1963; Г. Ионе, О. Опышко, Памятники рассказывают, Нальчик, 1965.

²² И. М. Мизиев, Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII—XVIII вв.), Нальчик, 1970.

мечают авторы²³, по-видимому, именно они воздвигали многие крепости на территории Балкарии.

Сходны также и склеповые сооружения осетин, балкарцев и карачаевцев²⁴. Особого внимания заслуживает «городок мертвых» в верховьях Черека, состоящий из множества полуподземных склепов, построенных, по-видимому, еще до водворения здесь тюркоязычных племен. Большой интерес представляет собой и группа надземных склепов в Верхнем Чегеме, относящихся к XVI—XVIII вв. Многие из них аналогичны подобным склепам в Дигории, и особенно в с. Дзинага и с. Хазнидон.

Это позволяет высказать предположение о том, что пришлые тюркоязычные племена, смешавшись с аланами, унаследовали существовавшую у них форму погребения.

Большую роль в общественной жизни как балкаро-карачаевского, так и осетинского села играл ныгыш (осет. ныхас) — место, где собирались мужчины, в особенности сельские старейшины. Здесь мирили поссорившиеся семьи, решали вопросы о постройке или ремонте дорог, мостов, найме общественных пастухов и т. д. Здесь же устраивали спортивные игры, пели песни, играли на музыкальных инструментах. В Осетии, так же как и Балкарии и Карачае, существовали сходные правила поведения в подобных местах²⁵. Дела решались главным образом стариками. Мужчины помоложе никогда не садились в их присутствии. Молодежь не имела права голоса, а женщины даже не могли пройти мимо ныгыша во время мужских собраний.

Ныгыш, как и осетинский ныхас, уходит корнями в аланскую эпоху²⁶. Участие алан в этногенезе балкарцев и карачаевцев прослеживается также на материалах жилых построек и убранства домов у этих народов. Главную часть балкаро-карачаевского дома составляла кухня. Подобно осетинскому хадзару она представляла собой огромное помещение, потолок которого поддерживал массивный столб, находившийся в центре комнаты. На этот столб обычно вешали предметы домашнего обихода. Один из передних углов кухни отгораживали и превращали в кладовую (гуму), куда вел низкий вход. Такое же назначение имела и кладовая (къабиц) в осетинском доме. Старшая женщина юйбийче (осет. афсин) всегда носила при себе ключи от кладовой и нож. Без ее разрешения никто из членов семьи не мог войти в гуму. Молодая невестка, пожелавшая побывать в кладовой, по обычаю должна была делать подарки ее хозяйке.

В кухне строили также яму (уруз) для хранения зерна. Особую роль играли очаг и очажная цепь, располагавшиеся в центре помещения или у стены при выходе. По словам местных жителей, очаг делил кухню на две половины: мужскую (правую) и женскую (левую); около очага на мужской половине стояло кресло (шиндик)²⁷ для старика — главы семьи.

В старину балкарцы и карачаевцы, как и осетины, почитали и свято оберегали очаг и очажную цепь. 115-летний Кукуз Такуев (с. Верхняя Балкария) рассказал нам, что человек, снявший и выбросивший очажную цепь, оскорблял весь род. Такой поступок непременно вызывал кровную месть.

У балкарцев и карачаевцев, как и у осетин, с очагом были связаны некоторые свадебные обряды. Так, например, девушка, выходя замуж, прощалась с очажной цепью; вокруг очага обводили молодую, приобщая ее

²³ П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов, Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии, Уч. зап. КБНИИ, т. XVII, 1960, стр. 69.

²⁴ И. М. Мизиев, Указ. раб., стр. 56—81.

²⁵ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 200, 201.

²⁶ Б. А. Калоев, Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин, «Происхождение осетинского народа», Орджоникидзе, 1957, стр. 107.

²⁷ Шиндик (осет. сынтаг) — кровать.



Рис. 2. Сванская башня в сел. Верхний Чегем

к новой семье. Наконец, проклятие «чтобы у тебя в очаге погас огонь» говорит о том значении, которое придавалось очагу.

Характерно, что многие важные элементы жилища балкарцев и карачаевцев имеют алано-осетинские наименования, усвоенные ими еще на заре становления этих народностей. Среди таких терминов «хэрэк» — большая продольная балка (осет. аххараг), «зэлмэ» — хворост, которым покрывают плоскую крышу дома (осет. анзалм), «чидинзди» — столб (осет., дигор. сагинза) и т. д. В Балкарии и Карачае существует немало осетинских названий предметов домашней обстановки и утвари: тэрхэк — каменная скамья (осет. тархаг), чэпдэк, чиндик — скамья, кресло (осет. сынтаг), кровать, кучтел — кадка (осет., дигор, кустела), чолпи — ковш, черпалка (осет. солпи) и т. д.²⁸

Большая общность обнаруживается и в традиционной пище у рассматриваемых народов. Наиболее распространенным и любимым блюдом являются пироги с мясом и пироги с сыром (у балкарцев и карачаевцев — хэчэн)²⁹, такие же пироги делаются с начинкой из картофеля, капусты, фасоли и т. д. Общие блюда для этих народов — это чэрна — своеобразная каша (осет. зерна, кэрзэн), гырджын, гыржын — хлеб, чурек (осет. карзын), а также распространенное, особенно у осетин, блюдо дзыгка — кашица, приготовленная из свежего растопленного сыра с добавлением небольшого количества муки.

Из национальных напитков балкарцы до недавнего времени предпочитали пиво³⁰ с хмелем — хумеллек (осет. хумаллаг). Его готовили в огромных медных котлах, особенно по случаю свадеб и других семейных торжеств. Как и у осетин, пиво наливали в деревянные пивные бокалы различной формы, изготовлявшиеся местными мастерами, а также воло-

²⁸ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 279.

²⁹ У осетин-иронцев пирог с мясом называется фылжын. У осетин-дигорцев пирог с мясом и пирог с сыром называется ахсин, а у балкарцев и карачаевцев, — хэчэн.

³⁰ У карачаевцев этот напиток исчез, по-видимому, давно; кабардинцам он был совершенно незнаком.



Рис. 3. Надземные склепы в сел. Верхний Чегем

выи и турыи рога. Можно полагать, что культура пива, принесенная на Северный Кавказ древними иранцами³¹, была воспринята балкарцами и карачаевцами от их аланских предков.

Близость осетин, балкарцев и карачаевцев проявляется в семейных обрядах, в частности, свадебных, а до принятия балкарцами и карачаевцами мусульманства сходство существовало и в похоронных обычаях. Свадебные обряды, записанные нами во многих селах Балкарин и Карачая, поразительно похожи на осетинские. Сходство проявляется во всем: в сватовстве, в заключении брака, в подборе дружков. Один из них (у балкарцев и карачаевцев он носит название улан-югер) играет такую же роль во всей свадебной церемонии, как в осетинской свадьбе къухыл-халцаг (букв. держащий за руку). Схожи в Балкарин и Карачае некоторые осетинские свадебные обычаи: «домаконд» — отправление невестки по воду и «хызисан»³² — снятие платка с ее головы. При совершении этого обряда желали молодой иметь девять мальчиков и одну девочку.

Можно упомянуть и о некоторых обычаях избегания, соблюдавшихся молодыми и их родственниками, но они характерны и для других народов Кавказа. Отметим лишь один из них: у балкарцев, карачаевцев и осетин молодая не разговаривала со своим свекром и старшими родственниками мужа до совершения обряда «раскрытия рта невесты» и вручения ей соответствующих подарков³³.

Полевой этнографический материал свидетельствует о том, что для принятия ислама балкарцы и карачаевцы хоронили покойника, соблюдая многие архаические обряды, совершенно аналогичные осетинским и уходящие своими корнями в древнеиранский³⁴ мир.

К таким обычаям относятся оплакивание покойника, устройство в его честь соревнований по стрельбе в цель (къараатыу — осет. хъабахъ), скачки и т. д.

³¹ В. И. Аббаев, Указ. раб., стр. 338, 339.

³² Дж. Шанаев, Свадьба у северных осетин, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, 1870; Б. А. Калоев, Осетины, стр. 221, 222.

³³ Б. А. Калоев, Осетины, стр. 214.

³⁴ Там же.

Большой интерес представляют и домусульманские верования балкарцев и карачаевцев. У них много общих с осетинами святых: Жеорги (св. Георгий, осет., дигор Уасгергий), Тотур, Тотар (св. Федор, осет. Ту-тыр), Аш-Элия (св. Илья, осет. Илья), Байрам (св. Мария, осет. Май-рам). Характерно, что до сих пор во многих селах Балкарии (Верхняя Балкария, Безенги, Верхний Чегем и др.) сохранились святилища в честь Байрам, куда еще не так давно приходили женщины с приношениями. К Байрам чаще всего обращались те женщины, которые не имели детей. Среди языческих божеств у балкарцев и карачаевцев особенно почитались Апсаты (осет. Афсати), обитавший по поверью, высоко в горах и зорко охранявший свои стада. У осетин это охотничье божество выступало в образе человека — старика с белой бородой, а у балкарцев и карачаевцев оно изображается в виде белого тура. Убить это животное считалось большим несчастьем для охотника. Наш информатор, 102-летний Кны Хазанов (с. Верхняя Балкария), бывалый охотник, утверждал, что он стрелял семь раз в белого тура и ни разу не попал.

Несмотря на отмеченную разницу между карачаево-балкарским Апсаты и осетинским Афсати, все поверья, связанные с этим божеством, очень похожи³⁵. Приведу несколько примеров. Вот один из магических приемов карачаевских и балкарских охотников, сходный с осетинским. Охотники приносили в намеченный для охоты район три удлинненных лепешки. После молитвы старшего, обращенной к Апсаты, эти лепешки съедали. Охотники пели специальные охотничьи песни, посвященные этому божеству. У него выпрашивали хотя бы одного тура или козла. По обычаю, старшему охотнику всегда предоставляли право стрелять первому³⁶. При разделе дичи ему отдавали голову и шкуру. Наконец, у балкарцев и карачаевцев существовал еще один охотничий обычай, аналогичный осетинскому, отдавать «встречную долю» первому, кто встретился возвращающимся с добычей охотникам.

Один из интересных пережитков языческих верований, сохранившихся у осетин, балкарцев и карачаевцев, — это стрельба в небо во время лунного затмения. По сведениям наших информаторов, в этот день в карачаево-балкарских селах стреляли в луну из всех видов оружия, чтобы разбудить ее охрану и отогнать дракона, который якобы собирается ее проглотить. Похожее поверье существует у осетин. Вот как описывал его очевидец в середине XIX в.: «Вся ночь под новый год проходит в подобной стрельбе без умолку. Осетины стреляют вверх, прицеливаясь в луну, с убеждением, что в эту ночь, раз в год, луна находится в крайней опасности от какого-то дракона»³⁷.

Некоторые близкие параллели в этикете, в частности соблюдения обычая старшинства за столом, выборе тамадой самого старшего, указывают на давнее родство рассматриваемых народов. Сходны также обычаи распределения мяса жертвенного животного. У балкарцев и карачаевцев перед старшим обязательно ставят правую половину головы и часть курдюка. Среди кавказских народов подобные обычаи существуют только у осетин. Однако у осетин ставят перед старшим голову целиком, курдюк, шею и некоторые другие части животного. Заметим, что этот обычай существует и у казахов в Средней Азии, в формировании которых принимали большое участие также ираноязычные народы — скифы, сарматы и аланы.

³⁵ Г. Цаголов, Охотничий язык и обряды у осетин (Этнографические заметки), «Терские ведомости», 1895, № 53; Б. А. Калоев, Осетины, стр. 92, 93.

³⁶ Н. П. Тульчинский отмечал по этому поводу: «По обычаю старший предлагает младшему первому стрелять, но это не больше как церемония: младший все-таки представляет старшему первый выстрел» (Н. П. Тульчинский, Пять горских обществ Кабарды, «Терский сборник», вып. 5, Владикавказ, 1903, стр. 205).

³⁷ «Кавказ», 1855, № 7, 8.

Близкое родство балкарцев, карачаевцев и осетин проявляется и в их музыкальном и хореографическом искусстве. Среди музыкальных инструментов особый интерес вызывает 12-струнная арфа, имевшая значительное распространение и на территории Балкарии. Еще в 80-х годах композитор С. И. Танеев видел этот инструмент у балкарцев-урусбийцев во время его путешествия по горам Центрального Кавказа³⁸. Арфа, занесенная на Кавказ скифами, широко бытовала и у алан, от которых она унаследована упомянутыми народами. Отметим, что карачаево-балкарские танцы чрезвычайно похожи на осетинские и в то же время во многом отличаются от адыгских. Так, например, популярный старинный круговой хоровой танец (голлу) балкарцев и карачаевцев по манере исполнения очень близок к осетинскому танцу «чепена», широко известному из нартического эпоса. С большим искусством танцуют здесь и плавные танцы наподобие известных осетинских плавных танцев — «ханты кафт», «танец кургатицев» и др.

* * *

Подводя итог, мы можем отметить, что пришлые тюркоязычные племена, поселившиеся в горах рядом с давно обитавшими там аланами, постепенно сближались с ними, передали им свой язык и некоторые обычаи, восприняв, в свою очередь, многие элементы аланской культуры.

Из синтеза этих различных по языку и культуре народов сформировались новые этнические общности — балкарцы, а затем и карачаевцы.

Приведенный в статье материал свидетельствует о большой общности в культуре осетин, балкарцев и карачаевцев, что, несомненно, объясняется активным участием алан в этногенезе этих народов. Это подтверждает выводы ряда дореволюционных и советских ученых³⁹.

OSSET-BALKAR ETHNOGRAPHIC PARALLELS

A part of the Polovs routed by the Mongols in the XIII and XIV centuries found shelter in the Central Caucasus mountains occupied at that time by the Alans. According to folk legends recorded already in 1880-ies by Vs. Miller and M. Kovalevsky but fully published for the first time only in the present article the settling of the Polov people (a part of whom became one of the ancestors of the Balkars and the Karachays) took place in a westward direction, i. e. from the Tcherek to the Baksan ravine. The legends mention a struggle of the newly arriving Turkic-speaking tribes with the indigenous Alan tribes who were ousted by them from their place of habitation. After mixing with the Polovs the Alans did not at once become, amalgamated with them but co-existed with them for a long period of time. At any rate complete assimilation of the Alans with the newly settled Turkic tribes did not take place before the XVI century. Those of the Alans who adopted a Turkic language from the ancestors of the Balkars and the Karachays transmitted to them, in their turn, many features of their culture. As is shown by our field data, an Alan substratum can be clearly traced in the economy, material and intellectual culture in early religious beliefs of the Balkars and the Karachays. Osset-Balkar parallels are noted in traditional agricultural implements, in the processing of milk products, in food and drink, in the architecture of defence buildings and dwellings, in family ritual, etc.

³⁸ С. И. Танеев, Заметка о музыке, танцах и песнях урусбиевцев, «Вестник Европы», 1886, январь.

³⁹ Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 70.